

DOI <https://doi.org/10.51647/kelm.2020.4.1.32>

СОСТАВНОЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЯНИЕ ГОСУДАРСТВА: СУЩНОСТЬ И ПРОТЯЖЕННОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ

Татьяна Грабович

кандидат юридических наук

ORCID ID: 0000-0001-6819-0486

Аннотация. В статье раскрывается сущность составного международно-противоправного деяния государства, рассматриваются временные рамки нарушения, состоящего из составного деяния. Методологическое основание исследования составили следующие методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, системный, формально-юридический и диалектический. Установлено, что составным является деяние, образующееся из серии отдельных действий или бездействий, совокупность которых представляет собой нарушение определенного международного обязательства государства. Составные деяния вызывают длящиеся нарушения, которые продолжаются по времени с первого из действий или бездействий в серии деяний, составляющих противоправное поведение. Обосновано, что государство должно быть связано международно-правовым обязательством в тот период, когда совершается серия деяний, составляющих нарушение. Проанализирована практика международных судебных органов (Международного суда ООН, Европейского суда по правам человека, международных арбитражей), ссылающихся на ст. 15 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.

Ключевые слова: ответственность государства, международно-правовое обязательство, составное деяние, нарушение обязательства, КМП ООН.

A COMPOSITE WRONGFUL ACT OF THE STATE: NOTION AND EXTENSION IN TIME

Tatiana Hrabovych

Candidate of Juridical Sciences

ORCID ID: 0000-0001-6819-0486

Abstract. The article reveals the concept of a composite act and its extension in time. The following methods are used: legal-historical, comparative-legal, systemic, formal-legal and dialectical. It is established that a composite act consists of a series of actions or omissions defined in aggregate as a breach of a certain obligation. Composite acts give rise to continuing breaches, which extend in time from the first of the actions or omissions in the series of acts making up the wrongful conduct. It is proved that the state must be bound by an international obligation at the time when a series of acts constituting a breach is committed. The international jurisprudence (International Court of Justice, European Court of Human Rights, international arbitration) on this matter is analyzed.

Key words: state responsibility, international obligation, composite act, breach of obligation, ILC.

ZŁOŻONY MIĘDZYNARODOWY CZYN BEZPRAWNY PAŃSTWA: ISTOTA I ODLEGŁOŚĆ W CZASIE

Tetiana Hrabovych

kandydat nauk prawnych

ORCID ID: 0000-0001-6819-0486

Adnotacja. Artykuł ujawnia istotę złożonego międzynarodowego czynu bezprawnego państwa, rozważa ramy czasowe czynu zabronionego składającego się z czynu złożonego. Podstawę metodologiczną badania stanowiły poniższe metody: historyczno-prawny, porównawczo-prawny, systemowy, formalno-prawny i dialektyczny. Ustalono, że złożonym jest czyn powstały z szeregu odrębnych czynów lub bezczynności, których całość stanowi naruszenie określonego zobowiązania międzynarodowego państwa. Czyny złożone powodują trwałe naruszenia, które trwają w czasie od pierwszego z czynów lub bezczynności w serii czynów, składające zachowanie bezprawne. Uzasadnione jest, że państwo powinno być związane międzynarodowym obowiązkiem prawnym w okresie, w którym popełniono serię czynów stanowiących naruszenie. Przeanalizowano praktyki międzynarodowych organów sądowych (Międzynarodowego Trybunału Sprawiedliwości ONZ, Europejskiego Trybunału Praw Człowieka, Arbitrażu Międzynarodowego) powołujących się na art. 15 Artykułów o odpowiedzialności państw za międzynarodowe czyny bezprawne z 2001 r.

Słowa kluczowe: odpowiedzialność państwa, międzynarodowe zobowiązanie prawne, czyn złożony, naruszenie zobowiązania, Komisja Prawa Międzynarodowego ONZ.

Введение. Государства, совершая международно-противоправные деяния, нарушают гарантированные международным правом права и интересы других субъектов, наносят ущерб всему международному сообществу, тем самым расшатывая основы международного правопорядка. Международно-противоправное деяние считается совершенным, если, во-первых, поведение, составляющее действие или бездействие,

присваивается государству по международному праву, и, во-вторых, когда такое поведение является невыполнением государством своего международно-правового обязательства. Комиссия международного права ООН (далее – КМП ООН) определила элемент присвоения в качестве субъективного, а элемент нарушения международного обязательства – объективного. Объективный элемент международно-противоправного деяния имеет материальный и темпоральный аспекты. Материальный аспект нарушения излагается в статье 12 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. (далее – Статьи об ответственности государств 2001, Статьи 2001 г.), и касается вопроса «что» произошло. Вопросы о том, «когда» совершилось международно-противоправное деяние (темпоральный аспект), рассматриваются в ст. 13–15 Статей 2001 г. (Кроуфорд, 2013: 240).

Темпоральный аспект нарушения международно-правового обязательства государства касается двух взаимосвязанных вопросов. Первый – интертемпорального права – по сути, вопроса о праве, применимом к соответствующему государству на момент совершения предполагаемого нарушения (ст. 13 Статей). Второй вопрос касается характера самого нарушения и того, возникает ли оно немедленно (мгновенное нарушение), или приводит к длящейся незаконной ситуации (длящееся нарушение), или же состоит из нескольких действий, считающихся незаконными вследствие их системной взаимосвязи (составное нарушение) (Кроуфорд, 2013: 240–241). Составные деяния ограничиваются нарушениями обязательств, касающихся определенного совокупного поведения, а не отдельно взятых деяний как таковых. Другими словами, они сфокусированы на «серии действий или бездействий, определяемых в совокупности как противоправные» (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 72). Существует немало обязательств, предусматривающих, что их нарушение может иметь место лишь в случае систематических деяний. Ряд наиболее серьезных противоправных деяний определены в международном праве как деяния систематического характера (Лукашук, 2004: 154). Примеры включают в себя обязательства в области геноцида, апартеида или преступлений против человечности, систематических актов расовой дискриминации, систематических актов дискриминации, запрещенной торговыми соглашениями, и т. д. Важное значение этих обязательств в международном праве оправдывает их особое рассмотрение в ст. 15 Статей об ответственности государств (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 72).

Вопросы, возникающие в связи с привлечением государств к международно-правовой ответственности, поднимаются в научных исследованиях ряда ученых, среди которых В.Ф. Антипенко, Е. Арчага, О.В. Буткевич, К.А. Важна, В.А. Василенко, Л.Г. Гусейнов, Д. Джинкс, А.В. Задорожный, А. Зайберт-Фор, И. Зиемель, И.И. Лукашук, Ю.М. Колосов, Дж. Кроуфорд, С. Оллесон, М. Сассоли, Н.А. Ушаков, Ж.-М. Хенкертс, М.Х. Фарушкин и др. В то же время особенности объективного элемента международно-противоправного деяния государства, в частности, темпоральный аспект нарушения международно-правового обязательства, не получили достаточного освещения в юридической литературе.

Основная часть. Актуальность исследования составных международно-противоправных деяний государства, и, в частности, темпоральной характеристики таких деяний, не вызывает сомнения, учитывая их тяжесть и необходимость установления международно-правовой ответственности государства за их совершение. Темпоральная характеристика нарушения учитывается в ряде вопросов по применению международного права, и может быть ключевой при рассмотрении иска, включая временную юрисдикцию международного суда или трибунала, период, когда может осуществляться дипломатическая защита, приемлемость иска и доступные средства правовой защиты (Кроуфорд, 2013: 240–241).

Цель статьи состоит в раскрытии концепта составного международно-противоправного деяния государства, временных рамок нарушения, состоящего из составного деяния, используя набор методологических инструментов (историко-правового, сравнительно-правового, системного, формально-юридического и диалектического методов).

Результы и их обсуждение. Составное деяние государства – это деяние, хотя не представляющее собой единого поведения, продолжается во времени: оно состоит из серии отдельных деяний государства, следующих друг за другом и способствующих вместе осуществлению рассматриваемого деяния в целом (Салмон, 2010: 391).

Еще в 1976 г. КМП ООН определила, что составным деянием является такое деяние, «которое образуется из серии отдельных действий или бездействий применительно к различным ситуациям, но совокупность которых как таковая представляет собой нарушение определенного международного обязательства». Таким образом, отличительная черта деяния государства такого рода заключается в систематическом повторении действий, имеющих одну и ту же цель, одно и то же содержание и одни и те же последствия применительно к конкретным различным случаям. Далее Комиссия отметила, что если, например, объект международного обязательства заключался в запрещении государству осуществлять «дискриминационную практику» в отношении допуска граждан какой-либо страны к работе по какой-либо профессии, отказ в удовлетворении представленного с этой целью заявления гражданином указанной страны не является сам по себе деянием, не соответствующим тому, что требуется от государства данным обязательством. Но если заявления граждан этой же страны отклоняются властями государства в целой серии случаев, эти поведения, взятые в их совокупности, действительно представляют собой «дискриминационную практику» и находятся, таким образом, в противоречии с тем, что требуется от государства в соответствии с этим обязательством (Доклад КМП, 1976: 234).

В этом же контексте может быть интересно отметить, что в практике Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций систематическое нарушение прав человека и основных свобод было охарактеризовано как самостоятельное нарушение, отличное от отдельных случаев нарушения этих прав или этих свобод. Подкомиссия по борьбе с дискриминацией и защите меньшинств учредила специальную систему

контроля, предназначенную выявлять и преследовать в судебном порядке исключительно «ситуации», характеризующиеся «наличием совокупности грубых и систематических нарушений» (Доклад КМП, 1976: 234).

Понятие составного деяния было рассмотрено Р. Аго и отражено в проекте Статей об ответственности государств, принятом в первом чтении (1996), а именно в ст. 25 (2), закрепляющей: «Нарушение международного обязательства деянием государства, образованным серией действий или бездействий применительно к различным случаям, происходит в момент совершения того действия или бездействия этой серии, которое определяет наличие составного деяния. Однако временем этого нарушения является весь период начиная с момента первого из противоречащих международному обязательству действий или бездействий, образующих составное деяние, и до тех пор, пока такие действия или бездействия имеют место (Доклад Комиссии, 1996). Во втором чтении были предприняты усилия по конкретизации положения с целью применения его только к «систематическим» обязательствам, то есть первичным нормам, определяющим деяние как противоправное с позиции их изначально противоправного или систематического характера (Кроуфорд, 2013: 266). Европейский суд по правам человека в деле «Ireland v. United Kingdom» (1978) составное деяние определил посредством практики, не совместимой с Конвенцией, заключающейся в совокупности идентичных или аналогичных нарушений, которые достаточно многочисленны и взаимосвязаны для того, чтобы составлять не просто самостоятельные инциденты или исключения, а определенную последовательность или систему (ЕСПЧ, «Ireland v. the United Kingdom», 1978). Таким образом, «составное деяние – это больше, чем просто серия повторяющихся деяний, а, скорее, юридическая единица, которая в целом представляет собой больше, чем сумму ее частей», – отмечает Дж. Кроуфорд (Кроуфорд, 2013: 266).

Запрет геноцида, изложенный в идентичных терминах в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и в принятых позднее международно-правовых актах (таких как Устав Международного трибунала для бывшей Югославии (ст. 4); Устав Международного трибунала для Руанды (ст. 2); Римский статут Международного уголовного суда (ст. 6)), может быть взят в качестве иллюстрации «составного» обязательства. Оно предполагает, что ответственное образование (включая государство) проводит систематическую политику или практику. В соответствии со ст. II а Конвенции главный признак геноцида – «убийство членов [национальной, этнической, расовой или религиозной группы]» с намерением уничтожить, полностью или частично, такую группу как таковую. Оба признака этого определения содержат систематические элементы. Геноцид также должен осуществляться с соответствующим намерением, заключающимся в физическом уничтожении группы «как таковой». Геноцид совершается лишь тогда, когда налицо совокупность актов убийства, причинения ущерба и т. д., совершенных с соответствующим намерением, удовлетворяющая определению в ст. II. Однако, когда этот порог перейден, правомерно считать, что время совершения простирается на весь период, в течение которого было совершено любое из этих деяний, и любое лицо, несущее ответственность за любое из них и имевшее соответствующее намерение, совершит геноцид (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 72). Таким образом, убийство одного человека по смыслу ст. II (а), каким бы ни был мотив, это не геноцид, так как убийство должно быть множественным, и осуществляться с соответствующим намерением уничтожить определенную группу как таковую.

В решении по делу «Blusun A.A., Jean-Pierre Lecorcier and Michael Stein v. Italian Republic» (2016) арбитражный суд заявил, что «Ст. 15 применяется лишь в отношении нарушений, совершаемых «посредством серии действий или бездействий, определяемых в совокупности как противоправные», например, геноцида. В первых двух предложениях пункта 1 Статьи 10 ДЭХ не идет речь о деяниях, определяемых в совокупности как противоправные, как это имеет место в Ст. 1 Конвенции о геноциде» (МЦУИС, «Blusun A.A., Jean-Pierre Lecorcier and Michael Stein v. Italian Republic», 2016, п. 361).

Систематический характер деяний как условие определения правонарушения может иметь место и в других случаях, например, при нарушении обязательства деяниями судебных органов. За исключением особых случаев, вопрос о нарушении судами международных обязательств возникает лишь тогда, когда решение суда первой инстанции подтверждается высшим судом (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 74). Так, решение нижестоящего суда может быть первым действием в серии действий, которые будут в конечном счете квалифицированы по совокупности в качестве международно-противоправных. Решение нижестоящего суда само по себе может присваиваться государству согласно ст. 4; является ли оно само по себе международно-противоправным деянием – это отдельный вопрос, что признано в ст. 2. Кроме как при исключительных обстоятельствах, вопрос о нарушении международного обязательства не возникает до тех пор, пока решение нижестоящего суда не становится окончательным волеизъявлением судебной системы в целом, т.е. пока не будет вынесено решение по делу судом высшей инстанции (КМП, 2001, А/СН.4/515: 30).

Концепция составного противоправного деяния посвящена статья 15 Статей об ответственности государств 2001 г., имеющая название «Нарушение, состоящее из составного деяния». Ст. 15 в п. 1 устанавливает, что нарушение государством международно-правового обязательства посредством серии действий или бездействий, определяемых в совокупности как противоправные, происходит, когда происходит то действие или бездействие, которое, взятое вместе с другими действиями или бездействиями, является достаточным для того, чтобы составить международно-противоправное деяние.

В решении по делу «Crystallex International Corporation v. Bolivarian Republic of Venezuela» (2016) арбитраж пояснил, что «ответственность государства за «ползучую» экспроприацию отражена в концепции составного деяния, определенного в Ст. 15 (п. 1) Статей КМП об ответственности государств» (МЦУИС, «Crystallex International Corporation v. Bolivarian Republic of Venezuela», 2016, п. 669).

В этом пункте ст. 15 указан момент, когда «происходит» составное деяние – момент, когда происходит последнее действие или бездействие, которое, взятое вместе с другими действиями или бездействиями, является достаточным, чтобы образовать международно-противоправное деяние, причем оно необязательно должно быть последним в серии. Соображения, сходные с теми, которые касаются окончанных и длящихся противоправных деяний, применимы и при определении того, имеет ли место нарушение международного права; здесь все зависит от конкретных фактов и содержания первичной нормы (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 73).

Арбитраж по делу «Técnicas Medioambientales Tecmed S.A. v. United Mexican States» (2003), сослался в сноске на комментарий к ст. 14 и 15, принятых КМП в окончательном виде в обоснование утверждения о том, что «идет ли речь о поведении, которое продолжается во времени, или имеет место составное деяние, элементы которого происходят в различные отрезки времени, лишь посредством изучения деяния в целом или его элемента можно установить масштабы нарушения договора или международного права либо размеры причиненного ущерба» (МЦУИС, «Técnicas Medioambientales Tecmed S.A. v. United Mexican States», 2003, п. 62).

Число действий или бездействий, которые должны произойти для того, чтобы имело место нарушение обязательства, также определяется по формулировке и цели первичной нормы. Действия или бездействия должны являться частью серии, однако статья не требует того, чтобы вся серия противоправных деяний была совершенна для того, чтобы она относилась к категории составного противоправного деяния при условии, что произошло достаточное число действий, составляющих нарушение. В тот момент, когда происходит действие, которое достаточно для того, чтобы составить нарушение, может быть не ясно, что последует новое действие и что серия еще не завершилась. Кроме того, то обстоятельство, что серия действий или бездействий была прервана и, таким образом, никогда не была завершена, не обязательно помешает отнести такие действия или бездействия, которые произошли, к категории составных противоправных деяний, если, вместе взятые, они достаточны для того, чтобы составить нарушение (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 73).

Ч. 2 ст. 15 закрепляет, что в случае наличия нарушения, состоящего из составного деяния, нарушение длится в течение всего периода начиная с первого из действий или бездействий данной серии и продолжается, пока такие действия или бездействия повторяются и остаются не соответствующими международно-правовому обязательству.

Таким образом, п. 2 ст. 15 касается протяженности составного деяния во времени. После того как совершено достаточное число действий или бездействий, создавших результат составного деяния как такового, нарушение датируется первым из деяний серии. Статус первого действия или бездействия не ясен, пока не произошла достаточная часть серии, составляющей противоправное деяние; однако в этот момент деяние должно рассматриваться как происшедшее за весь период с момента совершения первого действия или бездействия. В противном случае действенность запрета оказалась бы подорванной. Слово «остаются» в п. 2 вставлено с учетом принципа интертемпоральности, зафиксированного в ст. 13 Статей. В соответствии с этим принципом государство должно быть связано международно-правовым обязательством в тот период, когда совершается серия деяний, составляющих нарушение. В тех случаях, когда соответствующее обязательство не существует на начало поведения, однако возникает позднее, «первое» из действий или бездействий серии для целей ответственности государств будет первым действием или бездействием, происшедшим после возникновения обязательства (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 73–74). Таким образом, акт убийства на этнической почве может в ретроспективе рассматриваться как первый акт геноцида или как единственный случай расовой дискриминации, положивший начало режиму апартеида (Кроуфорд, 2013: 269).

В тоже время суд может учитывать прежние действия или бездействия, которые не составляли на момент их совершения нарушения обязательства, для других целей (например, для установления фактических оснований для позднейших нарушений или выявления свидетельств намерения) (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 73–74).

И.И. Лукашук подчеркивает особенность составного деяния, заключающуюся в том, что момент его совершения не совпадает с моментом совершения первого из серии действий или бездействия. Лишь в результате последующего поведения первое действие или бездействие становится началом противоправного деяния. Количество действий или бездействий, которые должны произойти для того, чтобы образовать нарушение обязательства, определяется содержанием обязательства (Лукашук, 2004: 155). Роль первого звена в цепи можно оценить только тогда, когда будет видна вся цепочка или, по крайней мере, значительная ее часть (Кроуфорд, 2013: 269).

То обстоятельство, что составное деяние состоит из ряда действий или бездействия, которые лишь в совокупности образуют противоправное деяние, не исключает возможности того, что любое деяние из данной серии может быть самостоятельным правонарушением другого обязательства. Так, преступление геноцида состоит из серии деяний, которые сами по себе являются противоправными (Лукашук, 2004: 155).

Поддерживая в целом ст. 15 (1), некоторые правительства указывали на то, что ст. 15 (2) нуждается в дальнейшем рассмотрении, так как в ней не проводится различие между категориями деяний, которые совершенно определено можно рассматривать в качестве составных деяний, например геноцид, и другими категориями деяний, которые не поддаются столь четкой квалификации по обычному международному праву, что может привести к ненадлежащему расширению ответственности в некоторых ситуациях (КМП, 2001, A/CN.4/515: 30).

КМП ООН акцентирует внимание на необходимости проводить различие между составными обязательствами и простыми обязательствами, нарушенными «составным деянием». Составные деяния могут с большей вероятностью вызвать длящиеся нарушения, но и простые деяния также могут вызвать длящиеся нарушения. Однако иное положение имеет место в том случае, когда само обязательство определено в терминах кумулятивного характера поведения, то есть, когда кумулятивное поведение представляет собой существо противоправного деяния. Так, апартеид отличен по характеру от отдельных актов расовой дискриминации, а геноцид отличен по характеру от отдельных актов убийства, даже мотивированных этническими или расовыми причинами (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 72).

В этом контексте Дж. Салмон отмечает, что повторение противоправных деяний можно трактовать двояко. Так, в первом варианте, противоправное деяние может повториться: существуют различные деяния, сменяющие друг друга и являющиеся нарушениями одного и того же характера. Это простые повторяющиеся действия. Это может быть серия нарушений прав гражданского населения или комбатантов, которым отказано в статусе военнопленных и т. д. Во втором варианте, противоправной является вся совокупность деяний, а следствием этого – если не изменение характера нарушения, то, по крайней мере, его собственная идентичность в силу систематического характера. Это деяние состоит из серии действий, представляющих единое целое вследствие преследуемого намерения. Для определения существования составного деяния другая характеристика, помимо множественности действий, играет фундаментальную роль: это элемент намерения, подразумеваемый наличие политики или плана причинить ущерб потерпевшему государству. Дж. Кроуфорд настаивал на том, что составное деяние должно быть ограничено нарушениями, имеющими характеристики систематической политики, и указывал на то, что элемент намерения непременно объединяет отдельные случаи с точки зрения их общности (Салмон, 2010: 391–392).

Примеру геноцида как «систематического» деяния, Дж. Кроуфорд противопоставляет ситуацию по делу Габчиково-Надьмарош. Дело возникло после подписания Венгерской Народной Республикой и Чехословацкой Социалистической Республикой договора «о строительстве и эксплуатации плотинной системы Габчиково-Надьмарош» (МС ООН, дело «Габчиково-Надьмарош», 1997: 2). Две стороны в соответствии с Соглашением были связаны простым обязательством обеспечить, чтобы каждая забирала не более определенного объема воды из пограничной реки в календарный год. Если предположить, что одна из сторон разрешает различным пользователям изымать ежемесячные объемы воды, что (не являясь незаконным в соответствии с соглашением) делает вероятным, что в течение года общее количество изъятий превысит квоту, рассчитанную на год, тогда может ли вся серия заборов воды считаться составным деянием по смыслу ст. 15 Статей? В этом деле было установлено, что по крайней мере до тех пор, пока не произойдет деяние, предопределяющее окончательное решение о превышении квоты, не будет совершено никаких противоправных деяний. Действительно, противоправное деяние не будет совершено, пока квота не будет превышена. Возможно, если государство было намерено нарушить договор и выдавало ежемесячные разрешения соответственно, можно было бы сказать, что нарушение началось в январе. Но нельзя сказать, что рассматриваемая первичная норма демонстрирует «систематический» характер, когда отдельные акты перевоплощаются в юридическом смысле в нечто иное. Скорее, рассматриваемое государство просто нарушило бинарное обязательство не забирать больше определенного количества воды из реки (Кроуфорд, 2013: 268).

Еще одно различие можно проводить между необходимыми элементами противоправного деяния и тем, что могло бы требоваться в качестве доказательства или подтверждения того, что такое деяние имело место. Например, отдельный акт расовой дискриминации со стороны государства является международно-противоправным, даже если может оказаться необходимым представить свидетельство серии деяний государственных должностных лиц (с участием одного и того же лица или других лиц, занимающих сходные положения), чтобы продемонстрировать, что любое из этих деяний является дискриминационным, а не совершенным на законных основаниях. По сути, такая дискриминация не является составным деянием, однако для целей доказывания может оказаться необходимым подтверждение практики, равнозначной такому деянию (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 73).

В практической деятельности возникают различные вопросы, связанные с совершением составных деяний и привлечением государств к ответственности. Так, например, в решении по делу «Rusoro Mining Limited v. The Bolivarian Republic of Venezuela» (2016) арбитражный суд заявил, что «общая направленность Статей КМП относительно составных деяний понятна, в Статьях не рассматривается каждый конкретный вопрос и, в частности, не устанавливается, каким образом срок давности отражается на серии действий, которая приводит к составному нарушению договора» (МЦУИС, «Rusoro Mining Limited v. The Bolivarian Republic of Venezuela», 2016, п. 227). Суд счел, что «с точки зрения применения сроков давности уместнее разделить каждое требование в отношении предполагаемого составного деяния на отдельные требования в связи с нарушениями, каждое из которых касается какой-либо конкретной меры правительства, и рассматривать каждое из таких нарушений отдельно на предмет соблюдения сроков давности» (п. 231).

Выводы. Составные деяния вызывают длящиеся нарушения, которые продолжаются по времени с первого из действий или бездействий в серии деяний, составляющих противоправное поведение (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 72). Примером являются ситуации, когда противоправное деяние состоит не из отдельно взятого деяния, а практики или политики систематического характера.

Следствие характера составного деяния заключается в том, что момент, когда совершено данное деяние, не может быть тем же моментом, когда имело место первое действие или бездействие. Лишь впоследствии

первое действие или бездействие в известном смысле положит начало серии. Лишь после того, как совершена серия действий или бездействий, обнаружится составное деяние – не только как последовательность изолированных актов, но и как составное деяние, то есть как акт, определенный в совокупности как противоправный (Проекты статей об ответственности, комментарий, 2001: 73). В рассматриваемом случае может возникнуть межвременная проблема права, поскольку может быть, что часть действий или бездействий, совокупность которых, несомненно, составила бы деяние, противоречащее тому, что требуется данным международным обязательством, произошла до того, как это обязательство было возложено на государство. Может также случиться, что часть этих действий или бездействий происходит после того, как обязательство утратило свою силу в отношении государства. В обоих случаях решение определено одно и то же: во внимание следует принимать только действия или бездействия, которые имели место в то время, когда обязательство было в силе для государства (КМП ООН, 1976: 234–235).

Четкое определение всех элементов состава международно-противоправного деяния является необходимым условием для привлечения государства к международно-правовой ответственности и инструментом обеспечения неотвратимости такой ответственности. Для возникновения международно-правовой ответственности государства, нарушение должно иметь место в тот момент, когда это государство связано конкретным международно-правовым обязательством.

Список использованных источников:

1. Дело, касающееся Проекта Габчикова-Надьмарош (Венгрия против Словакии) (существо дела). Краткое изложение решений консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1997–2002. ООН, 2006.
2. Доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее сорок восьмой сессии A/CN.4/SER.A/1996/Add.1 (Part 2).
3. Доклад Комиссии международного права о работе ее двадцать восьмой сессии. 3 мая – 23 июля 1976 г. Генеральная Ассамблея. Официальные Отчеты. Тридцать первая сессия. Дополнение №10 (A/31/10). ООН, 1976.
4. Комиссия международного права. Пятьдесят третья сессия. Женева, 2001 г. *Ответственность государств. Комментарии и замечания, полученные от правительств.* A/CN.4/515.
5. Лукашук И.И. Право международной ответственности. Москва: Волтерс Клувер, 2004. 432 с.
6. Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментариями к ним. Ежегодник комиссии международного права. 2001. Т. II. Ч. 2. A/CN.4/SER.A/2001/ADD.1 (PART 2). С. 32–174.
7. Crawford J. *State Responsibility: The General Part*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 912 p.
8. ECHR. Case of Ireland v. the United Kingdom. 1978. URL: <https://www.law.umich.edu/facultyhome/drwcasebook/Documents/Documents/Republic%20of%20Ireland%20v.%20United%20Kingdom.pdf>.
9. ICSID, Técnicas Medioambientales Tecmed S.A. v. United Mexican States. Case No. ARB(AF)/00/2. Award. 29 May 2003.
10. ICSID. Blusun A.A., Jean-Pierre Lecorcier and Michael Stein v. Italian Republic. Case No. ARB/14/3. Award. 27 December 2016.
11. ICSID. Crystallex International Corporation v. Bolivarian Republic of Venezuela. Case No. ARB(AF)/11/2. Award. 4 April 2016.
12. ICSID. Rusoro Mining Limited v. The Bolivarian Republic of Venezuela. Case No. ARB(AF)/12/5. Award. 22 August 2016.
13. Salmon J. Duration of the Breach. In J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. *The Law of International Responsibility*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 383–396.

References:

1. Delo kasaiushcheesia Proekta Gabchikovo-Nadmarosh (Vengriia protiv Slovakii) (sushchestvo dela). [Case concerning the Gabchikovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia) (merits)]. Kраткое izlozhenie reshenii konsultativnykh zakliuchenii i postanovlenii Mezhdunarodnogo Suda. 1997–2002. OON, 2006. [in Russian].
2. Doklad Komissii Generalnoi Assamblee o rabote ee sorok vosmoi sessii [Report of the Commission to the General Assembly on the work of its forty-eighth session]. A/CN.4/SER.A/1996/Add.1 (Part 2). [in Russian].
3. Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava o rabote ee dvadcat vosmoi sessii [Report of the International Law Commission on the work of its twenty-eighth session]. 1976, (A/31/10).
4. Komissiiia mezhdunarodnogo prava. Piatdesiat tretia sessiia. Zheneva, 2001. Otvetstvennost gosudarstv. Kommentarii i zamechaniia, poluchennye ot pravitelstv [International Law Commission. Fifty-third session. Geneva, 2001. State Responsibility. Comments and observations received from governments]. UN Doc. A/CN.4/515.
5. Lukashuk I.I. (2004). *Pravo mezhdunarodnoi otvetstvennosti* [Law of international responsibility]. Moskva: Volters Kluver. [in Russian].
6. *Proekty statej ob otvetstvennosti gosudarstv za mezhdunarodno-protivopravnye deyaniya s kommentariyami k nim*. Ezhegodnik komissii mezhdunarodnogo prava. 2001. T. II. Ch. 2. [Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with Commentaries Thereto. International Law Commission Yearbook. 2001. Vol. II. Part two]. A/CN.4/SER.A/2001/ADD.1 (PART 2). [in Russian].
7. Crawford J. (2013). *State Responsibility: The General Part*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. ECHR. Case of Ireland v. the United Kingdom. 1978. URL: <https://www.law.umich.edu/facultyhome/drwcasebook/Documents/Documents/Republic%20of%20Ireland%20v.%20United%20Kingdom.pdf>.
9. ICSID, Técnicas Medioambientales Tecmed S.A. v. United Mexican States. Case No. ARB(AF)/00/2. Award. 29 May 2003.
10. ICSID. Blusun A.A., Jean-Pierre Lecorcier and Michael Stein v. Italian Republic. Case No. ARB/14/3. Award. 27 December 2016.
11. ICSID. Crystallex International Corporation v. Bolivarian Republic of Venezuela. Case No. ARB(AF)/11/2. Award. 4 April 2016.
12. ICSID. Rusoro Mining Limited v. The Bolivarian Republic of Venezuela. Case No. ARB(AF)/12/5. Award. 22 August 2016.
13. Salmon J. (2010). Duration of the Breach. In J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. *The Law of International Responsibility*. Oxford: Oxford University Press.